

В. Г. Моисеев, В. И. Хартанович, И. Г. Ширококов, В. И. Селезнёва О РОЛИ ПОПУЛЯЦИЙ С ТЕРРИТОРИИ ФЕННОСКАНДИИ В ФОРМИРОВАНИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО СЕВЕРО-ЗАПАДА

УДК 902(470+48):572

ББК 63.4(235.0)

Несмотря на свое географически окраинное положение, территория северо-западной России издревле являлась ареной довольно сложных культурных и популяционных процессов, что хорошо иллюстрируется имеющимися на настоящий момент лингвистическими, археологическими, генетическими и антропологическими данными. В работе использован метод интеграционного анализа двух независимых систем антропологических признаков. В результате отмечены различные компоненты, участвующие в формировании населения северо-запада России, стран Балтии и Фенноскандии. Уже в эпоху мезолита наряду с гаплогруппами европейского происхождения зафиксирован и сибирский маркер. Выявлена важная роль носителей фатьяновской культуры в сложении антропологического состава средневекового и близкого к современности населения северо-запада России и стран Балтии. Исходя из степени выраженности «уральских» черт, авторы предполагают проникновение предков прибалтийских финнов на территорию Балтийского региона из Поволжья, причем этот импульс практически полностью затухает на территории Эстонии. Результаты анализа краниоскопических и краниометрических признаков говорят в пользу существования единой антропологической основы у населения не только восточных, но и западных районов Балтийского региона.

Ключевые слова: палеоантропология, интеграционный анализ, фатьяновская культура, финно-угры

Территория северо-западной России, несмотря на свое географически окраинное положение, издревле являлась ареной довольно сложных культурных и популяционных процессов, что хорошо иллюстрируется имеющимися на настоящий момент лингвистическими, археологическими, генетическими и антропологическими данными. При этом в силу методологических особенностей ука-

занных дисциплин и сложного взаимодействия культурных и биологических факторов многие вопросы до сих пор остаются остро дискуссионными.

Так, например, согласно последним данным, генетический пул мезолитических охотников-собирателей на данной территории уже был неоднородным. Наряду с преобладающими вариантами гаплогрупп европейского происхождения, восходящих, вероятно, к палеолитическому населению севера Европы, в структуре митохондриального генома погребенных в могильнике на Южном Оленьем острове в ограниченном количестве есть и сибирские маркеры.¹ Единично фиксируется также присутствие очень редкой древней гаплогруппы.² Проведенный авторами ранее анализ морфологических особенностей «южных оленеостровцев» также показывает их принадлежность в целом к европейскому кругу

*Моисеев Вячеслав Григорьевич — к.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)
E-mail: vmoiseyev@mail.ru*

*Хартанович Валерий Иванович — к.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)
E-mail: vkhartan@mail.ru*

*Ширококов Иван Григорьевич — к.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)
E-mail: ivansmith@bk.ru*

*Селезнёва Вера Ивановна — к.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)
E-mail: vera@kunstkamera.ru*

¹ См.: Ancient DNA Reveals Prehistoric Gene-Flow from Siberia in the Complex Human Population History of North East Europe / Der Sarkissian C. [et al.] // PLoS Genet 9(2): e1003296. doi:10.1371/journal.pgen.1003296. 2013.

² Mitochondrial Genome Sequencing in Mesolithic North East Europe Uncovers a New Sub-Clade within the Broadly Distributed Human Haplogroup C1 / Der Sarkissian C. [et al.] // PLoS ONE 9(2): e87612. doi:10.1371/journal.pone.0087612. 2014.

популяций при наличии у них умеренной сибирской примеси.³

Существенный сдвиг в геномной структуре населения на большей части территории Европейской России, вероятно, имел место в раннем бронзовом веке в связи с притоком населения круга культур шнуровой керамики, которое в свою очередь демонстрирует промежуточное положение между неолитическим населением Центральной Европы и носителями ямной археологической культуры.⁴ Авторам настоящей статьи на основе анализа краниологических характеристик неоднократно приходилось защищать точку зрения о существенной роли носителей фатьяновской археологической культуры в сложении средневекового населения северо-запада России и стран Балтии.⁵

Еще одним ключевым моментом в популяционной истории населения северо-запада России, стран Балтии и Фенноскандии является решение вопроса о проникновении на данную территорию носителей древних финских языков, из которых впоследствии сформировались исторически известные языки народов Финляндии, стран Балтии и северо-западной части России. Можно выделить два основных подхода. Один защищают в основном археологи и некоторые антропологи, которые датируют формирование культурной или антропологической общности прафинских народов временем существования неолитической культуры типичной гребенчатой керамики⁶ или даже эпохой верхнего палеолита.⁷ Такой подход, однако, требует ревизии всей хронологии

финно-угорской языковой предыстории, которая была сделана в свое время П. Аристэ.⁸

Большинство лингвистов не приняли данную точку зрения. Альтернативный подход был предложен В. В. Напольских,⁹ который предположил, что появление носителей раннего прибалтийско-финского праязыка в Прибалтике связано с распространением во второй половине II — начале I тыс. до н. э. на территориях современных Новгородской, Псковской, Ленинградской областей, Эстонии, восточной и северной Латвии прибалтийского варианта общности культур ложнотекстильной керамики.

Следующим заметным событием в популяционной истории рассматриваемого региона было проникновение сюда во второй половине I — начале II тыс. н. э. славянского населения. Процесс ассимиляции этого пришлого населения и более раннего финноязычного на антропологических материалах становится особенно заметным на краниологических сериях, относящихся к XIII в.¹⁰

Отдельный вопрос, неизменно вызывающий живой интерес не только у специалистов, но и у более широкой аудитории, касается роли норманнов в исторических событиях, происходивших в Древней Руси на рубеже I и II тыс. н. э. Отметим, что норманнское (варяжское) культурное влияние на Севере Руси надежно фиксируется по археологическим источникам, однако антропологические труды, посвященные данной проблеме, крайне немногочисленны. Здесь следует упомянуть две работы Т. И. Алексеевой, которая на основе анализа краниометрической характеристики серии из Земляного городища Старой Ладogi сделала вывод о принадлежности костных останков варягам, входившим, согласно историческим источникам, в состав древнерусских дружин.¹¹ Впоследствии данный вывод был подтвержден С. Л. Санкиной¹²

³ Моисеев В. Г., Хартанович В. И. Краниологические материалы из могильника эпохи раннего металла на Большом Оленьем острове Баренцева моря // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2012. № 1 (49). С. 145–154.

⁴ Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe / Haak W. [et al.] // Nature. In press.

⁵ См.: Краниологическая характеристика средневекового населения Эстонии (предварительные результаты исследования) / Моисеев В. Г. [и др.] // Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2012 г. СПб., 2013. С. 71–79; Оценка роли носителей культур шнуровой керамики в сложении антропологических особенностей средневекового населения Эстонии и Севера европейской части России / Моисеев В. Г. [и др.] // Физическая антропология: методики, базы данных, научные результаты: всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2013. С. 44–46.

⁶ См.: Марк К. Ю. Вопросы этнической истории эстонского народа в свете данных палеоантропологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллинн, 1956. С. 112–133; Моора Х. А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Там же. С. 127–132.

⁷ См.: Долуханов П. М. Истоки этноса. СПб., 2000.

⁸ Аристэ П. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития // Вопросы этнической истории эстонского народа. С. 5–27.

⁹ Напольских В. В. Проблема формирования финноязычного населения Прибалтики (к рассмотрению дилеммы финно-угорской предыстории) // Исследования по этногенезу и древней истории финноязычных народов. Ижевск, 1990. С. 40–67.

¹⁰ См.: Санкина С. Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. СПб., 2000.

¹¹ Алексеева Т. И. Антропологический склад населения древнерусских мест // Материалы з антропологии України. Вип. 4. Київ, 1969. С. 73–86; Она же. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.

¹² Санкина С. Л. Указ. соч.

на основе анализа более полного набора краниометрических признаков. С другой стороны, Д. В. Пежемский, опираясь на данные сравнительного анализа краниологических серий средневековой Европы, пришел к заключению, что «скандинавские» комплексы признаков, фиксируемые у отдельных групп населения северо-запада, в действительности могут свидетельствовать о сохранении в его составе антропологических особенностей древнего населения Северной Европы и поэтому не могут рассматриваться как доказательство скандинавского присутствия.¹³

Следует отметить, что в большинстве работ, посвященных антропологии населения рассматриваемой территории, для анализа была использована только одна система антропологических признаков — краниометрия. Известно, что многие краниометрические показатели не являются абсолютно независимыми, имея существенные физиологические корреляционные связи даже на межгрупповом уровне. Следовательно, количество значимых направлений изменчивости существенно меньше количества использованных признаков. В то же самое время, как было показано выше, популяционная история региона довольно сложна, поэтому существует большая вероятность того, что краниометрические показатели вообще не маркируют тот или иной ее этап. Существенно объективизировать выводы, на наш взгляд, можно с помощью привлечения к анализу большего числа систем антропологических признаков. В настоящей работе мы использовали данные по двум независимым системам — краниометрии и краниоскопии.

Четырнадцать краниометрических показателей (№ 1, 8, 17, 9, 45, 48, 54, 55, 51, 52, 77, zm, SS:SC, 75/1 по Мартину и др.) были обработаны с помощью канонического анализа. Данные по шести краниоскопическим признакам, входящим в программу, предложенную А. Г. Козинцевым,¹⁴ а именно: частоты затылочного индекса (ЗИ), клиновидно-верхнечелюстного шва (КВШ), заднескулового шва (ЗСШ), подглазничного узора типа II (ПГУ II), индекса поперечного верхнечелюстного шва (ИПВШ) и надглазничных отверстий (НО) —

были проанализированы с помощью метода главных компонент. На втором этапе полученные при анализе исходных признаков значения канонических векторов (КВ) и главных компонент (ГК) были обработаны с помощью метода главных компонент. Новые интегральные главные компоненты (ИГК) ввиду ортогональности векторов, полученных при анализе каждой из систем признаков, основаны исключительно на межсистемных закономерностях.

Полученные результаты позволяют говорить о высоком уровне взаимного соответствия данных обеих систем антропологических признаков. Так, корреляция первой ГК и первого КВ (рис. 1), которые разделяют европейские и азиатские группы, достигает 0,94 ($p < 0,05$). Корреляция остальных векторов невелика, поэтому является очевидным, что они представляют собой разные направления изменчивости.

По результатам анализа фатьяновское население формирует западный полюс I КВ и I ГК соответственно. Также высокий уровень европеоидных значений признаков фиксируется и у большинства анализируемых средневековых серий. Эти группы характеризуются низкими частотами ЗИ, ЗСШ и НО и высокими частотами ИПНШ (табл. 1), а также широкими лобными костями, резко выступающими носовыми костями (табл. 2).

Достаточно неожиданным является то, что средневековые группы с территории северо-запада России, за исключением сборной серии из Сланцевского района Ленинградской области, не уступают по уровню выраженности европеоидных особенностей эстонским сериям и заметно превосходят в этом отношении близкие к современности группы русских из Себежа и Старой Ладogi. Данное обстоятельство свидетельствует в пользу предположения о вхождении в состав современного русскоязычного населения северо-запада России на достаточно позднем этапе каких-то групп, характеризующихся ослаблением европеоидных особенностей в морфологии черепа. Как уже отмечалось, сходное направление в динамике изменений краниометрической характеристики было ранее зафиксировано С. Л. Санкиной при сравнении раннесредневековых групп и групп развитого средневековья с территории Новгородской республики. При этом причиной ослабления европеоидных особенностей у более поздних серий средневекового населения, видимо, была ассимиляция славянами

¹³ См.: Пежемский Д. В. Скандинавское присутствие на Северо-Западе по данным палеоантропологии // Староладожский сборник. Вып. 9. СПб., 2012. С. 88–107.

¹⁴ Kozintsev A. Ethnic epigenetics: a new approach // Homo, 1992. Vol. 43/3. P. 213–244

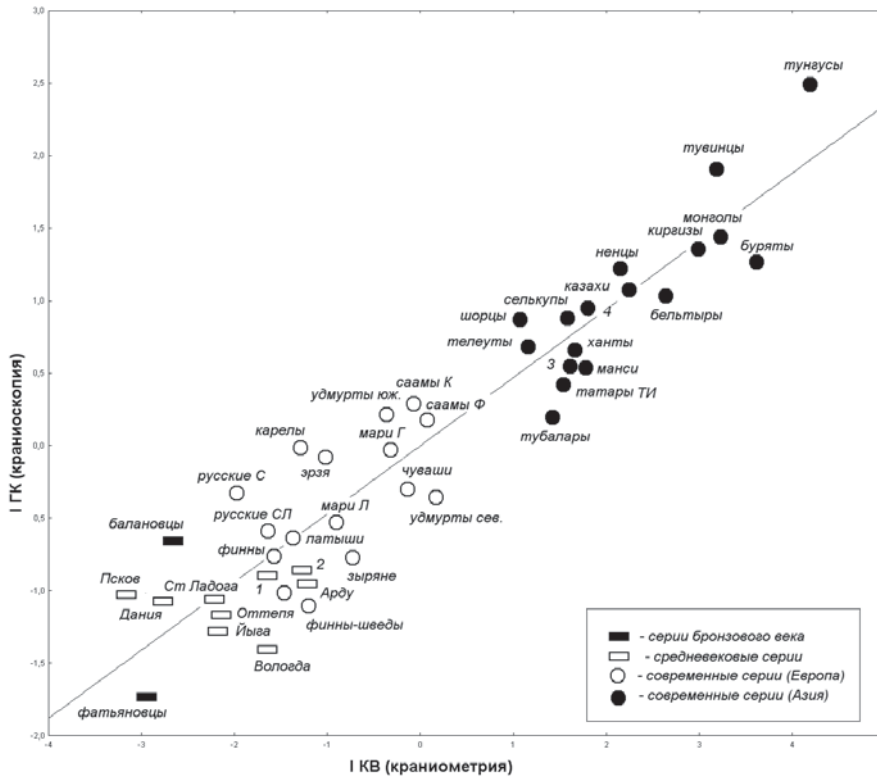

Рис. 1. Расположение серий в пространстве векторов, дифференцирующих их по направлению «запад–восток»:

1 — Кохла-Ярве, 2 — Сланцевский район Ленинградской области, 3 — чулымцы, 4 — сагайцы
 Здесь и далее: русские С — русские Себеж, русские СЛ — русские Старая Ладога, саамы К — саамы кольские, саамы Ф — саамы Финляндии, мари Г — мари горные, мари Л — мари луговые, татары ТИ — татары тоболо-иртышские

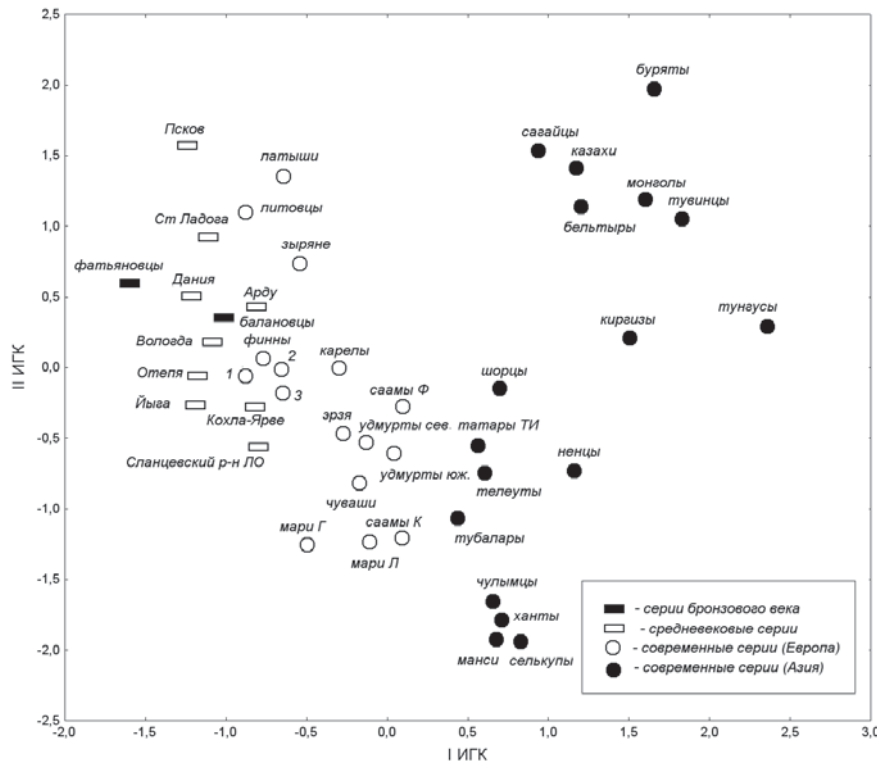

Рис. 2. Результаты интеграции краниометрических и краниоскопических признаков:
 1 — группы из Финляндии, шведы, 2 — русские Себеж, 3 — русские Старая Ладога

Таблица 1

Коэффициенты корреляции между первыми двумя главными компонентами и исходными краниоскопическими признаками

Краниоскопический признак	I ГК	II ГК
ЗИ	0,823	0,241
КВШ	-0,428	0,792
ЗСШ	0,871	0,223
ПГУ II	0,321	-0,815
ИПНШ	-0,839	-0,017
НО	0,853	0,227
Собственное число	3,154	1,450
Доля общей изменчивости %	0,526	0,242

местного финноязычного населения в результате христианизации.¹⁵ Исходя из результатов проделанного нами анализа, можно предположить, что вышеуказанный процесс продолжился и в более позднее время.

Следует обратить внимание на то, что второе по силе направление изменчивости, выявленное в результате анализа краниометрических признаков (II КВ), практически полностью определяется параметрами черепной коробки, а именно ее длиной и шириной (см. табл. 2). На положительном полюсе данного вектора (наибольшие значения данного признака) находятся фатьяновцы и балановцы, а также современные угорские серии. Поскольку уже неоднократно было показано, что такое сочетание демонстрирует выраженную эпохальную изменчивость, а также в связи с отсутствием близкой родственности вышеперечисленных групп, мы исключили II КВ из дальнейшего интеграционного анализа. По сути, II КВ демонстрирует лишь сохранение некоторых древних морфологических черт у угорских групп.

Таким образом, для проведения интеграционного анализа нами были использованы значения I, III и IV КВ, полученные при анализе краниометрических признаков, и I и II ГК, полученные при анализе краниоскопических признаков. После проведения интеграционного анализа выделены два основных вектора изменчивости: I ИГК дифференцирует группы по направлению запад-восток, в то время как II ИГК отделяет большинство современных угро-самодийских и финноязычных групп от всех остальных (рис. 2). Еще раз отметим, что интегральные главные компоненты облада-

Таблица 2

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА КРАНИОМЕТРИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ

Краниометрический признак (№ по Мартину и др.)	I КВ	II КВ	III КВ	IV КВ
1.	-0,257	0,902	0,292	-0,200
8.	0,314	-0,624	0,253	0,420
17.	-0,288	-0,439	-0,113	-0,522
9.	-0,672	-0,047	-0,127	-0,040
45.	0,360	0,021	0,074	-0,126
48.	0,162	-0,234	0,434	-0,231
55.	0,099	0,105	0,017	0,055
54.	0,124	-0,089	0,257	-0,052
51.	0,138	0,186	-0,240	0,686
52.	0,162	0,171	0,111	0,038
77.	0,153	0,057	-0,024	-0,077
Zm.	0,370	0,196	0,130	-0,114
SS:SC.	0,112	0,109	-0,609	0,250
75/1.	-0,654	-0,110	0,855	0,298
Доля общей изменчивости %	59,941	12,745	6,858	4,903

ют большей разрешающей способностью, чем исходные векторы, полученные в результате анализа отдельных систем краниологических признаков.

Как видно из рис. 2, использованные в анализе древние и средневековые серии, в целом, демонстрируют более выраженную европеоидную тенденцию по сравнению с современными сериями территории Балтии и северо-запада России. Исходя из общетеоретических представлений, данное обстоятельство можно объяснять либо эпохальными сдвигами в морфологии черепа, либо тем, что оно является следствием популяционных процессов, происходивших на данной территории. Поскольку более высокий уровень выраженности европеоидных особенностей у древних и средневековых групп по отношению к современным фиксируется сразу по обоим независимым системам признаков (см. рис. 1), более вероятным представляется второе объяснение. В этом отношении важную информацию нам может дать распределение групп в пределах II ИГК.

Как уже отмечалось, второе по значимости направление межпопуляционной варибельности дифференцирует финно-угро-самодийские группы от остальных. Из средневековых

¹⁵ См.: Санкина С. Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. СПб., 2000.

эстонских групп «уральская» тенденция наиболее выражена у серии из Кохла-Ярве, что свидетельствует в пользу наличия у этой группы умеренной «уральской» примеси. С другой стороны, серия из Арду совсем не демонстрирует «уральской» тенденции. Исходя из этого, можно предположить, что средневековое население Эстонии сложилось на основе двух основных антропологических компонентов: первый восходит к населению бронзового века на данной территории, а второй, значительно уступающий первому по своему удельному весу, связан с носителями «уральского» комплекса антропологических признаков.

Более выраженная «уральская» тенденция фиксируется также у сборной серии из Сланцевского района Ленинградской области, в то время как в серии из Пскова «уральский» комплекс признаков вообще не выражен. Данное обстоятельство позволяет предположить, что проникновение антропологического «уральского» комплекса признаков на территорию Эстонии происходило в большей степени по Балтийскому побережью, севернее Чудского озера. Это предположение является лишь предварительным и требует подтверждения на основе анализа данных по сельскому населению с территории Псковской республики.

На противоположном, «антиуральском», конце вектора из древних серий находятся фатьяновцы, балановцы, серия из Старой Ладogi и Пскова. Из современных групп наибольшее сходство с фатьяновцами демонстрируют латыши и литовцы, а также коми-зыряне. Если в отношении латышей и литовцев подобный результат можно было бы предвидеть заранее, исходя из уже имеющихся в нашем распоряжении антропологических¹⁶ и археологических¹⁷ данных, то в отношении коми-зырян подобный результат выглядит достаточно неожиданным. Если он не случаен, то можно говорить о наличии в их составе древнего европеоидного компонента. Связан ли он с носителями круга культур шнуровой керамики или имеет еще более древнее происхождение, сказать без дальнейшего исследования невозможно.

В целом следует подчеркнуть, что результаты интеграционного анализа краниометрических и краниоскопических показателей указывают на достаточно большую роль носителей

фатьяновской культуры в сложении антропологических особенностей средневекового и близкого к современности населения северо-запада России и стран Балтии. В то же самое время проделанный нами анализ фиксирует наличие у части населения данной территории слабо выраженного «уральского» антропологического компонента. Исходя из степени выраженности «уральских» черт, можно предположить, что проникновение предков прибалтийских финнов на территорию Балтийского региона происходило из Поволжья, причем этот импульс практически полностью затухает на территории Эстонии.

Последний вопрос, на котором хотелось бы остановиться, — это вопрос о возможности выявления норманнского компонента в составе средневекового населения северо-запада России. Заметим, что решение данной проблемы имеет очевидную сложность, так как существенная часть средневекового населения данной территории, что было показано выше, сложилась на основе носителей фатьяновской культуры бронзового века, которые, в свою очередь, были родственны населению культур шнуровой керамики западных районов Европы. Последнее предположение в полной мере подтверждается результатами нашего анализа. Так, серия черепов эпохи викингов с территории Дании не занимает в пространстве I и II ИГК какого-то специфического положения, но вполне вписывается в существующую картину популяционной дифференциации групп северо-западных областей России и стран Балтии. Другими словами, результаты анализа краниоскопических и краниометрических признаков говорят в пользу существования единой антропологической основы у населения не только восточных, но и западных районов Балтийского региона. Здесь следует заметить, что примененные нами ранее методы многомерной статистики, а именно анализ главных компонент и канонический анализ, направлены прежде всего на выявление общих закономерностей популяционной дифференциации. Для определения же степени родственности отдельных групп разрешающие возможности этих методов далеки от оптимальных. Для решения последней задачи более подходит использование кластерного анализа, но и он не лишен недостатков, связанных с искусственным внедрением иерархической структуры и неспособностью данного метода корректно учесть фактор метисации.

¹⁶ См.: Денисова Р. Я. Антропология древних балтов. Рига, 1975.

¹⁷ См.: Крайнов Д. А. Древнейшая история Волго-Окского междуречья (Фатьяновская культура). М., 1972.

Более корректным, на наш взгляд, является обращение к исходной матрице расстояний, на основе которой и производится кластеризация. В таб. 3 приведены значения евклидовых расстояний между серией, представляющей население Дании эпохи викингов (VIII–XI вв.) и остальными сериями, включенными в анализ. Матрица была рассчитана на основе интеграции данных краниоскопических и краниометрических признаков. Как мы видим из таб. 3, наибольшее сходство со средневековыми датчанами демонстрирует средневековая серия из Старой Ладogi. Заметим также, что расстояние между этими группами является одним из двух наименьших среди попарных расстояний между всеми группами, включенными в анализ. Эти результаты подтверждают высказанное ранее мнение о родственности людей, захороненных на Земляном городище Старой Ладogi, с населением Скандинавии. Показательно также, что на втором месте по сходству со средневековыми датчанами стоят фатьяновцы, что еще раз указывает на высо-

кую степень морфологического сходства населения круга культур шнуровой керамики. Таким образом, данные, полученные в результате проделанного нами анализа, свидетельствуют в пользу наличия специфического сходства средневековой серии из Земляного городища Старой Ладogi с населением Скандинавии, которое, как и многие средневековые группы северо-запада России, включило в себя антропологический компонент, связанный с носителями культур шнуровой керамики.

Таблица 3

Группы, характеризующиеся наименьшими значениями евклидовых расстояний со средневековой серией с территории Дании

Группы	Евклидовы расстояния
Старая Ладoga	1,09
Фатьяновцы	1,53
Йьга	1,65
Балановцы	1,83
Вологда	1,96

Vyacheslav G. Moiseyev

Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, St. Petersburg)

E-mail: vmoiseyev@mail.ru

Valery I. Hartanovich

Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, St. Petersburg)

E-mail: vkhartan@mail.ru

Ivan G. Shirobokov

Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, St. Petersburg)

E-mail: ivansmith@bk.ru

Vera I. Seleznyova

Candidate of Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Russia, St. Petersburg)

E-mail: vera@kunstkamera.ru

ON THE ROLE OF POPULATIONS ORIGINATING FROM FENNOSCANDIA IN THE FORMATION OF ANTHROPOLOGICAL COMPOSITION OF THE RUSSIAN NORTH-WEST POPULATION

Despite its geographically peripheral position the territory of the Russian north-west was from the old times an arena of rather complicated cultural and population genesis processes, a good illustration of which were the currently available linguistic, archaeological, genetic and anthropological data. The paper used an integration analysis method with regard to two independent systems of anthropological attributes. As a result various components participating in the formation of the Russian north-west population, the Baltic countries and Fennoscandia have been established. Already during the Mesolithic alongside with the European origin haplogroups a Siberian marker was also registered. An important role of Fatjanovskaya culture population in the formation of the anthropological composition of the Middle Age and the close to modern time population of the Russian north-west and the Baltic countries was identified. Depending on the extent of the

"Uralian" features presence the authors assumed that the Baltic Finns ancestors could have migrated into the Baltic coast territory from the Volga region, however, this impulse almost completely faded out in the territory of Estonia. The results of cranioscopic and cranimetric attributes analysis provided evidence in favor of the existence of a single anthropological base for the population of both eastern and western regions of the Baltics territory

Keywords: *paleoanthropology, integration analysis, fatyanovsky culture, Finno-Ugra*

REFERENCES

- Alekseeva T. I. *Antropologichnyy sklad nasselennya drevnorusskikh mist* [Anthropological warehouse населения Old Russian places]. *Materialy po antropologii Ukrainy*, No. 4, 1969. pp. 73-86. (in Ukr.).
- Alekseeva T. I. *Etnogenez vostochnykh slavyan po dannym antropologii* [Ethnogenesis of east Slavs according to anthropology]. Moscow: Moskovskiy Mosc. Uni. Publ., 1973, 332 p. (in Russ.).
- Ariste P. *Formirovanie pribaltiysko-finskikh yazykov i drevneyshiy period ikh razvitiya* [Formation of the Baltic-Finnish languages and the most ancient period of their development]. *Voprosy etnicheskoy istorii estonskogo naroda*, 1956, pp. 5-27. (in Russ.).
- Denisova R. Ya. *Antropologiya drevnikh baltov* [Anthropology of ancient Balts]. Riga: Zinatne Publ., 1975, 404 p. (in Russ.).
- Der Sarkissian C, Brotherton P, Balanovsky O, Templeton JEL, Llamas B, Soubrier J, Moiseyev V., Khartanovich V, Cooper A, Haak W. Mitochondrial Genome Sequencing in Mesolithic North East Europe Unearths a New Sub-Clade within the Broadly Distributed Human Haplogroup C1. *PLoS ONE*, 2014, pp. e87612. doi:10.1371/journal.pone.0087612. (in English).
- Der Sarkissian C, Balanovsky O, Brandt G, Khartanovich V, Buzhilova A, Koshel S, Zaporozhchenko V, Gronenborn G, Moiseyev V, Kolpakov E, Shumkin V, Alt K. W, Balanovska E, Cooper A, Haak W. Ancient DNA Reveals Prehistoric Gene-Flow from Siberia in the Complex Human Population History of North East Europe. *PLoS Genetics*, February 14, 2013, pp. e1003296. doi:10.1371/journal.pgen.1003296. (in English).
- Dolukhanov P. M. *Istoki etnosa* [Ethnos sources]. St. Petersburg: «Yevropeyskiy Dom» Publ., 2000, 220 p. (in Russ.).
- Haak W., Lazaridis I., Patterson N., Rohland N., Mallick S., Llamas B., Brandt G., Nordenfelt S., Harney E., Stewardson K., Fu Q., Mittnik A., Bánffy A., Economou Ch., Francken M., Friederich S., Garrido Pena R., Hallgren F., Khartanovich V., Khokhlov A., Kuznetsov P., Meller H., Mochalov O., Moiseyev V., Nicklisch N., Pichler S. L., Risch R., Guerra MAR, Roth Ch., Szécsényi-Nagy A., Wahl J., Meyer M., Krause J., Brown D., Anthony D., Cooper A., Alt KW and Reich D. Massive migration from the steppe is a source for Indo-European languages in Europe. *Nature*, In press, 2014, pp. doi:10.1038/nature14317. (in English).
- Kozintsev A. Ethnic epigenetics: a new approach. *Homo*, 1992. Vol. 43(3). pp. 213-244. (in English).
- Kraynov D. A. *Drevneyshaya istoriya Volgo-Oskskogo mezhdurechya (Fatyanovskaya kultura)* [The most ancient history of Volga-Oka Entre Rios (Fatyanovsky culture)]. Moscow: «Nauka» Publ., 1972, 276 p. (in Russ.).
- Mark K. Yu. *Voprosy etnicheskoy istorii estonskogo naroda v svete dannykh paleoantropologii* [Questions of ethnic history of the Estonian people in the light of data of a paleoanthropology] *Voprosy etnicheskoy istorii estonskogo naroda*, 1956, pp. 112-133. (in Russ.).
- Moiseev V. G., Khartanovich V. I. *Kraniologicheskie materialy iz mogilnika epokhi rannego metalla na Bolshom Olenem ostrove Barentseva morya* [Kraniologichesky materials from a burial ground of an era of early metal on the Big Cervine island of the Barents Sea]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Yevrazii – Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2012, no. 1 (49), pp. 145-154. (in Russ.).
- Moiseev V. G., Shirobokov I. G., Khartanovich V. I., Kriyska A. *Otsenka roli nositeley kultur shnurovoy keramiki v slozhenii antropologicheskikh osobennostey srednevekovogo naseleniya Estonii i Severa evropeyskoy chasti Rossii* [Assessment of a role of carriers of cultures of shnurovy ceramics in addition of anthropological features of the medieval population of Estonia and the North of the European part of Russia]. *Fizicheskaya antropologiya: metodiki, bazy dannykh, nauchnye rezultaty: vseros. nauch.-prakt. konf. – Physical anthropology: techniques, databases, scientific results: All-Russian scientific and practical conference*. St.Petersburg: MAE RAS, 2013, pp. 44-46. (in Russ.).
- Moiseev V. G., Shirobokov I. G., Kriyska A., Khartanovich V. I. *Kraniologicheskaya kharakteristika srednevekovogo naseleniya Estonii (predvaritelnye rezultaty issledovaniya)* [Kraniologichesky characteristic

of the medieval population of Estonia (preliminary results of research)]. Nauchnye issledovaniya i muzeynye proekty MAE RAN v 2012 g. – Scientific researches and museum projects of MAHE the Russian Academy of Sciences in 2012. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2013, pp. 71-79. (in Russ.).

Moora Kh. A. *Voprosy slozheniya estonskogo naroda i nekotorykh sosejnikh narodov v svete dannykh arkheologii* [Questions of addition of the Estonian people and some next people in the light of data of archeology]. *Voprosy etnicheskoy istorii estonskogo naroda*, 1956, pp. 127–132. (in Russ.).

Napolskikh V. V. Problema formirovaniya finnoyazychnogo naseleniya Pribaltiki (k rassmotreniyu dilemm finno-ugorskoy predystorii) [Problem of formation of the finnoyazychny population of Baltic (to consideration of dilemmas of Finno-Ugric background)]. *Issledovaniya po etnogenezu i drevney istorii finnoyazychnykh narodov*, 1990, pp. 40–67. (in Russ.)

Pezhemskiy D. V. *Skandinavskoe prisutstvie na Severo-Zapade po dannym paleoantropologii* [The Scandinavian presence in the Northwest according to a paleoanthropology]. *Staroladozhskiy sbornik*, no. 9, St. Petersburg, 2012, pp. 88-107. (in Russ.).